

известной намъ 2 кн. Ездры; исторія Эсэиря обработана у Юсифа по греческой кн. Эсэирь, представляющей собою переводъ канонической книги, дополненный болѣе или менѣе значительными апокрифическими прибавками“.

5) „Времена Маккавеевъ излагаются Юсифомъ по Маккавейской книгѣ,—вѣроятно по ея Еврейскому оригиналу, отличавшемуся отъ известной намъ 1-й Маккавейской книги нѣсколько большею подробностію въ сообщеніи нѣкоторыхъ фактовъ и отсутствіемъ въ ней послѣднихъ главъ (14—16)“.

6) „Разсказъ Макк. кн. Юсифъ дополняетъ свѣдѣніями, заимствованными изъ греческихъ писателей—Поллвія и Посидонія. Послѣднимъ онъ пользуется не непосредственно, а чрезъ Николая Дамаскина и Страбона“.

7) „Внутренняя исторія народа іудейскаго и его правителей—асмонеевъ со 2-й половины правленія Симона I излагается въ Археологіи, вѣроятно, по даннымъ, заимствованнымъ изъ устнаго преданія. Слѣдовъ пользованія какимъ-либо письменнымъ источникомъ—въ частности хроникой I. Гиркана не замѣтно“.

8) „Главнымъ источникомъ XIV—XVII кн. Археологіи служилъ Николай Дамаскинъ. Въ XIV и XV кн., на ряду съ нимъ, еще можно замѣтить пользованіе Страбономъ. Въ изложеніи же исторіи Ирода XVI—XVII кн. Николай — единственный источникъ; въ 2—3 мѣстахъ замѣтно вліяніе традиціи“.

9) „Для XVIII—XX кн. Археологіи источниками служатъ устные разсказы знакомыхъ Юсифу лицъ и его личныя воспоминанія“.

Этимъ трактатомъ объ источникахъ Юсифовой Археологіи авторъ и оканчиваетъ свое сочиненіе. Какъ видимъ, онъ разработалъ только одну сторону своей большой проблемы. Другихъ сторонъ, отчасти намѣченныхъ во введеніи (которое вслѣдствіе этого оказывается нѣсколько не соответствующимъ самому изслѣдованію), а отчасти указанныхъ мною автору, онъ, очевидно, не успѣлъ коснуться. Впрочемъ, этого я въ серьезную виду автору не ставлю, потому что и изслѣдованіе источниковъ Археологіи есть трудъ, хорошее выполненіе котораго въ теченіе учебнаго года показываетъ вполне достаточное усердіе и прилежаніе автора. А трудъ этотъ дѣйствительно выполненъ авторомъ очень хорошо. Главнымъ

приемомъ автора въ этой работѣ было сравненіе текстовъ — Иосифа съ текстами его еврейскихъ и греческихъ источниковъ. Авторъ обнаружилъ здѣсь какъ достаточную критическую осторожность, умѣло отстраняясь иногда отъ выводовъ, подсказывавшихся ему нѣкоторыми односторонними теоріями западныхъ ученыхъ, такъ и вполне обстоятельное знакомство съ своимъ научнымъ матеріаломъ, а равно и хорошее знаніе древнихъ языковъ. Ученыя примѣчанія, присоединенныя къ сочиненію въ видѣ отдѣльнаго приложения (стр. 297—338) показываютъ значительную начитанность автора и въ западной ученой литературѣ его вопроса. Вообще, III глава въ сочиненіи г. Смирнова, собственно и составляющая все сочиненіе, есть вполне научный и заслуживающій полной похвалы трудъ. Языкъ сочиненія всюду вполне литературный.

Существенныхъ научныхъ недостатковъ въ сочиненіи нѣтъ. Серьезнымъ формальнымъ недостаткомъ является отсутствіе во введеніи ясной и отчетливой постановки задачи изслѣдованія, точнаго указанія его состава и метода (на все это, какъ я уже сказалъ, есть только нѣкоторые намеги). Другимъ недостаткомъ является то, что авторъ не далъ критическаго обзора литературы своего предмета. Это дало бы возможность ясно видѣть, какое положеніе въ ряду другихъ ученыхъ трудовъ авторъ желаетъ сообщить своей работѣ. Длинные и многочисленныя греческія выписки слѣдовало бы сопровождать русскимъ переводомъ.

Степени кандидата богословія авторъ вполне заслуживаетъ“.

32. Экстраординарнаго профессора Александра Шостына о сочиненіи студента *Смирнова Сергѣя 5-го* „Святитель Димитрій Ростовскій, какъ пастырь и учитель о пастырствѣ“:

„Названное сочиненіе состоитъ изъ небольшого введенія (стр. I—VIII), въ которомъ авторъ указываетъ источники и пособія для своей работы, и изъ четырехъ главъ изслѣдованія. Въ первой главѣ (стр. 1—56) разсматривается жизнь и дѣятельность святителя Димитрія до посвященія его въ санъ митрополита, разсматривается именно какъ приготовленіе его къ высокому пастырскому служенію. Въ обстоятельствахъ семейнаго и школьнаго воспитанія, равно какъ и начальной иноческой жизни святителя, авторъ старательно

отмѣчаетъ все, что такъ или иначе способствовало образованію въ высшей степени привлекательнаго его пастырскаго облика. Вотъ какъ напр. рассуждаетъ онъ о значеніи для Димитрія усердныхъ занятій его по составленію Ч.-Миней: „факты жизни, факты дѣйствительной борьбы добра со зломъ и постоянные примѣры превосходства и побѣды перваго надъ вторымъ, факты и примѣры, какіе были въ житіяхъ святыхъ, заставляли Димитрія и въ проповѣди по большей части стараться выикать въ нравственное состояніе слушателей, подмѣчать ихъ нравственное настроеніе, ихъ духовные и нравственные запросы и затѣмъ уже давать и соотвѣтствующіе имъ отвѣты“... „Какъ далекъ онъ былъ отъ того, чтобы налагать на кого-либо бремена тяжкая и неудобноносимая,—такъ равнымъ же образомъ былъ чуждъ и излишней поборки и снисходительности къ прихотямъ испорченнаго сердца, не взирая на лица и положенія тѣхъ, отъ кого исходили эти прихоти, кто поступался уставами Церкви. Говорилъ-ли Димитрій о постѣ, — онъ не дѣлалъ исключенія ни для кого: обличалъ нарушеніе поста въ войскѣ (по указу царя), раскрывалъ силу и значеніе его для истиннаго христіанина, (доказывая) что скорѣе постъ и воздержаніе сдѣлаютъ воиновъ сильными и побѣдоносными (подобно войску Гедеона), чѣмъ разрѣшеніе имъ подкрѣплять себя мясною пищею даже и въ посты; проповѣдывали о милостынѣ, — безъ пощады осуждалъ немилосердіе, строго порицалъ запрещеніе добраго прежняго обычая давать милостыню нищимъ; говорилъ-ли о таинствѣ исповѣди къ духовенству,—предписывалъ строго хранить духовникамъ ея тайну, каковы-бы ни были грѣхи и кто бы и какъ бы ни требовалъ отъ духовниковъ ихъ обнаруженія. Таковъ былъ духъ проповѣди Димитрія впослѣдствіи и таковымъ онъ сталъ, надо полагать, постепенно,—съ той поры, какъ онъ (?) глубоко и всецѣло началъ сживаться съ святыми, житія которыхъ писалъ“. (стр. 37—40). Такими же психологическими рассужденіями изобилуютъ и другія главы изслѣдованія.

Во второй главѣ (стр. 57—253), сказавъ кратко о назначеніи св. Димитрія въ митрополита Сибирскаго, авторъ затѣмъ подробно говоритъ о дѣятельности его въ санѣ митрополита Ростовскаго. При этомъ характеристика религіознаго

и нравственнаго состоянія тогдашней ростовской паствы да-
етъ автору основаніе съ преимущественнымъ вниманіемъ
остановиться на мѣропріятіяхъ святителя 1) въ отношеніи
къ дѣтямъ духовенства, 2) въ отношеніи къ самому духо-
венству и 3) въ отношеніи къ раскольникамъ и всѣмъ во-
обще колебавшимся въ православной вѣрѣ. Послѣдній пунктъ
непосредственно приводитъ автора къ обстоятельному раз-
смотрѣнію проповѣднической дѣятельности св. Димитрія и
здѣсь мы встрѣчаемъ хорошо обоснованное разсужденіе о
существенныхъ элементахъ и чертахъ проповѣди святителя,
характеризующихъ его пастырское отношеніе къ различнымъ
явленіямъ церковной, общественной и политической жизни.

Дальнѣйшая глава (третья, стр. 254—292) рисуетъ намъ
тѣ испытанія, которыя суждено было перенести святителю
Димитрію въ его архипастырскомъ служеніи и которыя
сильно разстроили его здоровье. Образъ добраго пастыря,
благодушно переносившаго свои нравственныя страданія и
увѣщавшаго пасомыхъ своихъ къ таковому же терпѣнію,
вырисовывается здѣсь съ особенною рельефностію.

Наконецъ, послѣдняя глава (четвертая, стр. 293—310) со-
держитъ въ себѣ краткое изложеніе ученія святителя Ди-
митрія о пастырствѣ. Объ этомъ изложеніи должно сказать,
что, при краткости своей, оно заключаетъ однакоже все су-
щественное и наиболѣе характерное,—притомъ же въ немъ
авторъ является вполне самостоятельнымъ.

Изъ этого обзора содержанія явствуется уже, что сочине-
ніе г-на Смирнова отличается достаточною полнотою, при
правильномъ опредѣленіи границъ данной темы: и въ про-
повѣдничествѣ, и въ литературныхъ (даже полемическихъ)
трудахъ св. Димитрія отчетливо выдѣляется собственно-па-
стырскій элементъ и указываются черты его пастырскаго
настроенія. Отъ этого, будучи съ фактической стороны ра-
ботой компилятивной (составленной въ большей своей части
по изслѣдованію Шляпкина), сочиненіе г-на Смирнова яв-
ляется трудомъ самостоятельнымъ по данному въ немъ освѣ-
щенію фактовъ съ специально-пастырской точки зрѣнія.

Недостаточная обработка въ стилистическомъ отношеніи не
можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы признать раз-
сматриваемый трудъ вполне достаточнымъ для степени кан-
дидата богословія“.

33. Экстраординарнаго профессора Александра Шостына о сочиненіи студента *Соколовскаго Николая*: „Религіозное обученіе въ народной школѣ,—его задачи и объемъ“:

„Названное сочиненіе распадается на двѣ главы“.

Въ первой (стр. 1—84) авторъ занимается „изысканіемъ данныхъ для опредѣленія задачъ религіознаго обученія въ народной школѣ“. Утвердивъ положеніе, что постановка той или иной задачи школьному обученію должна зависѣть, во первыхъ, отъ извѣстнаго предмета обученія; во-вторыхъ, отъ изучающаго этотъ предметъ и, въ третьихъ, отъ обучающаго ему“ (стр. 3), авторъ разсматриваетъ далѣе каждый изъ этихъ опредѣляющихъ факторовъ примѣнительно къ частной области религіознаго обученія. Такъ какъ предметъ этого обученія заключается въ религіи, которая есть союзъ Бога и человѣка, то, конечно, религіозное обученіе можетъ поставить средоточіемъ своего труда или идею о Богѣ, или идею о человѣкѣ, и такимъ образомъ могутъ быть установлены двѣ системы религіознаго обученія—*теоцентрическая* и *антропоцентрическая*, при чемъ каждая изъ нихъ можетъ имѣть тенденцію или теологическую, или мистическую, или практическую (стр. 14—15).

Обращаясь затѣмъ ко второму цѣлеопредѣляющему фактору (обучаемому воспитаннику), авторъ находитъ, что и психологическія указанія близко совпадаютъ съ требованіями религіи. Если религія устанавливаетъ для обученія три тенденціи, которыя обнимаютъ всѣ стороны психической жизни,—теологическую, мистическую и практическую, то и психологія обязываетъ къ всестороннему развитію психическаго организма,—къ образованію ума, сердца и воли; какъ въ общемъ, такъ и въ религіозномъ обученіи; равнымъ образомъ религія обладаетъ и всѣми данными для того, чтобы придать религіозному обученію полное единство, требуемое психологіей отъ всякаго обученія. Словомъ, умѣстность принципа природосообразности въ религіозномъ обученіи не подлежитъ сомнѣнію и психологическая постановка религіозно-обучительнаго процесса не можетъ быть несродной фактической основѣ послѣдняго“ (стр. 35—36). Но въ какомъ именно взаимоотношеніи должны быть данныя религіи и данныя психологіи? „Матеріальная основа религіознаго обученія, по словамъ автора, должна быть указана только данными религіи и ни-

чѣмъ инымъ; однако, опредѣленіе основы религіозно-обучительнаго матеріала еще не обязываетъ къ выбору ея и въ религіозно-обучительномъ процессѣ. Основа послѣдняго, какъ психологическаго процесса, должна быть опредѣлена самостоятельно на основаніи исключительно психологическихъ данныхъ... Богооткровенная христіанская религія ставитъ въ сосредоточіе своего вѣроученія возвышенную идею о Богочеловѣкѣ и Его спасающей благодати; религіозное же обученіе не можетъ быть открыто прямо съ этого возвышеннаго ученія, превышающаго слабыя силы приступающаго къ обученію, вѣросознанію котораго пока доступны только сравнительно низшія религіозныя представленія и чувствованія. Поэтому гораздо естественнѣе *основу* религіозно-обучительнаго матеріала имѣть *результатомъ* религіозно-обучительнаго процесса, исходнымъ же пунктомъ послѣдняго — наличное религіозное достояніе обучаемаго“. (стр. 41—42).

Данными религіи и указаціями психологіи опредѣляются задачи религіознаго обученія безотносительно къ потребностямъ народной школы. Но съ полнымъ правомъ можетъ быть поставленъ вопросъ объ этихъ потребностяхъ и о нуждахъ народа въ отношеніи къ школьному и религіозному обученію. И вотъ здѣсь-то открывается область третьяго цѣлеопредѣляющаго фактора—обучающаго субъекта, который является представителемъ народныхъ и государственныхъ интересовъ. Давъ характеристику отношеній русскаго народа къ предметамъ религіознымъ и высказавъ мимоходомъ весьма симпатичную мысль о необходимости такъ называемой школьной психологической статистики, авторъ разъясняетъ далѣе государственное значеніе религіознаго обученія въ народной школѣ и отношеніе его къ національному патриотизму. Результатомъ этихъ разъясненій является слѣд. положеніе: „народъ, церковь, государство суть факторы, цѣлеопредѣляющіе религіозное обученіе въ народной школѣ; каждый изъ нихъ— носитель собственныхъ идеаловъ, осуществленіе коихъ подготавливаетъ народная школа; но послѣднее школа дѣлаетъ въ области религіознаго обученія такъ, что запросы народа подчиняются завѣтамъ церкви и требованіямъ государства, а послѣднія получаютъ право на свое осуществленіе лишь подъ условіемъ согласія съ религіей“. (стр. 82).

Раскрывъ такимъ образомъ значеніе указанныхъ трехъ

факторовъ, авторъ переходитъ далѣе къ характеристикѣ различныхъ направленій въ опредѣленіи школьныхъ задачъ религіознаго обученія, что и составляетъ *вторую* главу сочиненія (стр. 85—217). Частнѣе: здѣсь мы находимъ довольно удачную характеристику *интеллектуальнаго* направленія (теологизмъ—стр. 90—125, рационализмъ—стр. 125—133), *мистико-эмоціональнаго* (стр. 134—190) и *практическаго* (стр. 191—213), при чемъ разборъ и критика односторонностей всѣхъ этихъ направленій даютъ автору матеріалъ и основу для положительныхъ выводовъ. Но нельзя не пожалѣть, что выводы эти являются слишкомъ общими и отвлеченными, подчасъ даже искусственными, такъ что и самое мѣсто ихъ въ сочиненіи можетъ быть оспариваемо. Такъ напр., требованіе 10-е (на стр. 189,—объ удлинненіи школьно-учебнаго срока и о введеніи дополнительныхъ вѣрочительныхъ уроковъ), вытекающее якобы изъ разбора мистико-эмоціональнаго направленія, съ одинаковымъ правомъ могло бы стоять и въ концѣ разбора практическаго направленія на стр. 210—212. Точно также и въ разсужденіяхъ автора о такъ называемой *общей* религіи (по началамъ Руссо-Дистервега-Рихтера) желательнымъ было бы видѣть болѣе опредѣленности и обстоятельности; а объ умѣстности въ школьномъ обученіи полемическаго элемента (противо-мусульманскаго или противо-раскольническаго) у него прямо почти ничего не говорится.

Справедливо было бы упрекнуть автора и за самое изложеніе: рѣчь у него очень тяжелая, отличающаяся при скажотости обиліемъ словъ собственнаго изобрѣтенія („назидальникъ“, „праксисъ“ и т. под.) и изрѣдка даже неправильными выраженіями (напр.: „воля является главнымъ предметомъ религіознаго обученія“—стр. 193).

При всемъ томъ сочиненіе заслуживаетъ одобренія по серьезно-научной постановкѣ даннаго вопроса и по значительному количеству матеріала, положеннаго въ основу изслѣдованія. Хотя страницы его не испещрены буквальными выдержками изъ русскихъ и иностранныхъ книгъ, однако нельзя сомнѣваться въ томъ, что авторъ хорошо знакомъ и съ тѣми, и съ другими, но, внимательно перечитавъ ихъ и продумавъ перечитанное, излагалъ все собственными словами. Подтвержденіемъ этого служатъ цитаты, гдѣ указывается обширная литература даже для мыслей, высказанныхъ лишь

въ нѣсколькихъ строкахъ. Ясно, что авторъ потрудился добросовѣстно.

Для степени кандидата богословія сочиненіе должно быть признано совершенно достаточнымъ.“

34. И. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Солодовникова Вячеслава*: „Челобитныя о вѣрѣ, поданныя раскольниками въ XVII вѣкѣ. Историко-критическій обзоръ ихъ содержанія“:

„Въ обширномъ „введеніи“, обнимающемъ стр. 1—99 разсматриваемаго сочиненія, послѣ выясненія причинъ, почему раскольники въ первое время послѣ своего отдѣленія отъ Церкви, не утративъ надеждъ на возстановленіе „древляго благочестія“, считали возможнымъ обращаться къ царю съ челобитными о вѣрѣ, авторъ даетъ библиографическій обзоръ этихъ челобитныхъ, поданныхъ въ XVII в., сообщая краткія свѣдѣнія объ ихъ авторахъ, времени происхожденія и отличительныхъ особенностяхъ каждой. Въ слѣдующихъ затѣмъ двухъ главахъ подробно разсматривается отрицательный взглядъ челобитчиковъ на исходный пунктъ ихъ жалобъ—самое дѣло книжно-обрядоваго исправленія при п. Никонѣ, вызывавшее со стороны раскольниковъ возраженія противъ своихъ основныхъ началъ и приемовъ (гл. I, стр. 100—154), и на отдѣльныя исправленія въ формѣ церковныхъ обрядовъ и въ текстѣ богослужебныхъ книгъ, казавшіяся погрѣшительными авторамъ упомянутыхъ челобитныхъ (гл. II, стр. 155—237). Последній отдѣлъ сочиненія—до конца его (стр. 239—318)—посвященъ главному положительному тезису челобитныхъ—ученію челобитчиковъ о наступленіи царства антихристового въ русской церкви, съ вытекающими отсюда теоретическими и практическими слѣдствіями. Слѣдуя этому порядку въ своемъ изслѣдованіи, авторъ разсматриваемаго сочиненія обнаружилъ достаточную степень усердія при выполненіи своей работы. Онъ внимательно изучилъ довольно обширный матеріалъ своихъ первоисточниковъ и ознакомился съ необходимѣйшими изъ пособій. Собранныя такимъ образомъ данныя онъ распредѣлил въ системѣ хотя и не исчерпывающей предмета сполна, но все-же довольно близко ему соответствующей; въ этой системѣ онъ изложилъ существенное содержаніе челобитныхъ съ точною въ большинствѣ случаевъ ихъ цитаціей по

печатнымъ изданіямъ, сопровождая изложеніе раскольническихъ взглядовъ и ученій историко-полемическими замѣчаніями, не особенно обширными и не вносящими чего-либо новаго въ запасъ аргументовъ противораскольнической полемики, но во всякомъ случаѣ свидѣтельствующими, что въ предѣлахъ уже извѣстнаго авторъ добросовѣстно ознакомился и съ этою стороною дѣла. Въ качествѣ недостатковъ сочиненія должно отмѣтить, что литературныя свѣдѣнія автора въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостаточно полны (онъ, напр., цитуетъ Ист. Выг. пуст. Ив. Филишова по Опис. раск. соч. Александра Б., очевидно—не зная, что соч. Филишова есть въ отдѣльномъ печатн. изданіи), а его сужденія не всегда обладаютъ надлежащею основательностію (для примѣра можно указать стр. 200—201 и 295) и даже не чужды противорѣчій (примѣръ чего можно видѣть на стр. 119); есть нѣсколько выраженій неточныхъ (стр. 259, 284), способныхъ вызывать недоумѣніе (стр. 200). Но эти частныя недостатки разсматриваемаго сочиненія, являясь исключеніями, не должны служить препятствіемъ къ признанію автора достойнымъ искомой степени“.

35. Ординарнаго профессора Григорія Воскресенскаго о сочиненіи студента *Спасоевича Янко*: „Митрополитъ Данииль, владыка черногорскій (1697—1735)“:

„Въ предисловіи (стр. I—VIII) къ своему довольно обширному (312 стр.) сочиненію, авторъ говоритъ о встрѣчавшихся ему затрудненіяхъ, зависѣвшихъ отъ недостаточности и разбросанности матеріала и даетъ перечень источниковъ и пособій на сербскомъ, русскомъ и другихъ языкахъ (всего указано 56 №№). Свое сочиненіе авторъ дѣлитъ на семь главъ, изъ коихъ первыя двѣ образуютъ введеніе, а послѣднія пять—изслѣдованіе.

Въ первой главѣ введенія (стр. 1—45) авторъ отмѣчаетъ условія, благопріятствовавшія усилению турокъ въ Европѣ и даетъ предварительныя историческія свѣдѣнія о судьбахъ сербовъ, начиная съ Стефана Нѣмани и св. Саввы до сербскихъ патріарховъ Арсенія III и Арсенія IV, какъ необходимаго по автору для выясненія состоянія Черногоріи ко времени владычества Даниила I. Переселеніе сербскаго народа въ Австрійскую Венгрію при вышеназванныхъ патріархахъ авторъ считаетъ однимъ изъ самыхъ печальныхъ событій церковной и гражданской исторіи Сербіи.

Въ главѣ второй введенія (стр. 46—92) авторъ отмѣчаетъ высокое значеніе Зетской епископской кафедрѣ между другими епископіями, основанными св. Саввою и вообще выдающуюся роль Зеты (впослѣдствіи Черногоріи) въ исторіи сербскаго народа, и затѣмъ излагаетъ исторію Зеты при властеляхъ изъ фамиліи Балшичей и Черноевичей (отмѣчается правленіе Ивана — бега Черноевича, устроившаго цетиньскій монастырь въ 1484—85 г. и первую югославянскую типографію въ г. Ободѣ, въ которой при его сынѣ Георгіи напечатана первая церковнославянская книга Осмогласникъ въ 1493 г.) и при владыкахъ разныхъ родовъ до вступленія на черногорскій престоль владыки Данила Петровича Нѣгоша. Въ тяжкомъ и печальномъ положеніи находилась за этотъ длинный періодъ времени Черногорія, тѣсняемая и Портою, и Венеціей и раздираемая внутренними междоусобіями, а особенно извѣстными измѣнниками вѣры и отечества т. н. „потурченцами“. Съ вступленіемъ на черногорскій престоль владыки Данила, родоначальника нынѣ благополучно царствующей доблестной династіи Нѣгошей, начинается новая эпоха въ исторіи черногорской церковной и государственной жизни, изложенію которой посвящены авторомъ слѣдующія пять главъ изслѣдованія.

Первая глава изслѣдованія (стр. 93—146) озаглавляется такъ: *„жизнь и дѣятельность владыки Данила, митрополита черногорскаго, до первыхъ его сношеній съ Россіей (1676—1711 г.г.)“*. Здѣсь сообщаются біографическія свѣдѣнія о начальныхъ годахъ Данила, когда онъ уже имѣлъ случай видѣть то зло, которое производили ренегаты т. н. „потурченцы“, объ избраніи его на владычество въ 1697 г., о посвященіи въ митрополита отъ патріарха Арсенія Черноевича въ Венгерской Сербіи въ 1700 г. (указывается, почему онъ не могъ быть посвященъ раньше и при томъ отъ сербскаго патріарха въ Ипекѣ), за симъ изображается церковно-политическая дѣятельность его, какъ вождя народа въ борьбѣ съ турками, основателя новыхъ храмовъ и устроителя новыхъ порядковъ во внутренней жизни страны. Нарочито отмѣчаются дѣйствія владыки Данила по истребленію въ Черногоріи „потурченства“, чѣмъ восстановлено было единство религіозно-народнаго сознанія въ ея населеніи и положено было прочное начало черногорской церковно-государственной жизни.

Глава вторая изслѣдованія (стр. 146—188) обозначается такъ: „*первыя сношенія владыки Даниїла съ Россіей и дальнѣйшія войны съ турками*“. Сношенія владыки Даниїла съ императоромъ Петромъ I начались съ 1711 г. Авторъ излагаетъ содержаніе грамотъ Петра Великаго къ черногорскому народу и митрополиту Даниїлу и главные пункты договорной грамоты гр. Милорадовича съ черногорцами объ отношеніи ихъ къ Россіи, и за симъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ черногорцевъ противъ турокъ.

Глава третья (стр. 188—226): „*второй погромъ Черногоріи, поѣздка владыки Даниїла въ Россію и дальнѣйшія войны съ турками*“. Военныя дѣйствія противъ турокъ тѣмъ были затруднительнѣе для черногорцевъ, что въ критическіе моменты они оставались безъ всякихъ военныхъ припасовъ и оружія, благодаря кознямъ Венеціи, всегда коварной ихъ союзницы. Погромъ, о которомъ здѣсь рѣчь, имѣлъ мѣсто въ 1714 г. А въ слѣдующемъ году митрополитъ Даниїлъ въ первый разъ прибылъ лично въ Петербургъ. Авторъ довольно подробно останавливается на указаніи значенія этой поѣздки для черногорскаго народа, отмѣчаетъ щедрія милости Петра I черногорскимъ монастырямъ и церквямъ, излагаетъ содержаніе грамотъ, опредѣлявшихъ будущія отношенія и братскую взаимность между русскими и черногорцами. Напротивъ, Венеція, въ союзѣ съ которою по необходимости приходилось черногорцамъ воевать противъ турокъ, всегда преслѣдовала свои узкія эгоистическія цѣли.

Глава четвертая (стр. 227—272): „*сношенія владыки Даниїла съ Венеціей; поѣздка его въ Венецію и заботы о православной церкви; дальнѣйшія войны съ турками и послѣдніе годы его жизни*“. Цѣлю сношеній владыки Даниїла съ Венеціей и его личной туда поѣздки было — защитить православную сербскую церковь отъ происковъ римско-католической пропаганды и отъ притязаній венеціанской республики, что и удалось ему въ значительной мѣрѣ. Авторъ продолжаетъ шагъ за шагомъ слѣдить за дѣятельностью владыки Даниїла какъ вождя народа въ борьбѣ съ турками, продолжавшейся почти до конца его жизни и отмѣчаетъ заботы владыки о церковномъ благолѣпін и о введеніи внутренняго порядка и судоустройства въ своей странѣ.

Глава пятая и послѣдняя (стр. 273—312): „характеристика личности владыки Даниила и его церковно-политической дѣятельности“. Авторъ характеризуетъ митрополита Даниила какъ человѣка съ твердымъ, постояннымъ и энергичнымъ характеромъ, истиннаго защитника и неизмѣннаго хранителя православной вѣры, всю свою жизнь отдавашаго на служеніе Богу и своей родинѣ, раздѣлявшаго съ своею паствою все ея горести и радости, душою и сердцемъ преданнаго Россіи. Авторъ приводитъ характеристику Даниила въ знаменитомъ поэтическомъ произведеніи черногорскаго поэта — владыки Петра II Петровича Нѣгоша: „Горски Віенац“, но не соглашается съ данною тамъ характеристикой Даниила, какъ человѣка съ нерѣшительнымъ, даже робкимъ и слабымъ характеромъ, и удачно защищаетъ своего героя. „Нерѣшительность, колебаніе и медлительность владыки Даниила „Горскаго Віенца“ въ дѣлѣ избіенія потурчениковъ въ Черногоріи—говоритъ авторъ—не только не уменьшаютъ замѣчательныхъ качествъ, которыя мы видимъ въ его характерѣ, а, напротивъ, его энергіи, неустрашимости и героизму придаютъ еще болѣе значенія... Въ фактѣ очищенія Черногоріи отъ магометанъ, въ медлительности, долгомъ раздумьи Даниила проглядываетъ геніальность его ума, дипломатическая проицательность, неустрашимый героизмъ, безпримѣрная энергія и рѣшительность, соединенная съ благоразуміемъ“ (стр. 301). Особенно высоко ставитъ авторъ политическую дѣятельность владыки Даниила. Безстрашный герой въ борьбѣ съ турками,—онъ въ сношеніяхъ съ Венеціей проявляетъ изумительную проицательность, дипломатическіи талантъ, опытность и настойчивость, въ отношеніи къ Россіи—чистосердечную братскую искренность и непоколебимую преданность. Для Черногоріи владыка Даниилъ былъ по автору тѣмъ же, чѣмъ былъ Петръ Великій для Россіи (стр. 302—303). „Личность Даниила, какъ владыки и правителя Черногоріи—говоритъ авторъ въ заключеніи—останется свѣтлою, чистою, безукоризненною въ церковной и гражданской исторіи этой страны и пребудетъ сіяющею звѣздою, украшающею имя этой послѣдней“ (стр. 307—308).

Характеристика личности владыки Даниила въ разсуждаемомъ сочиненіи должна быть признана вѣрною и основательною, и невольно возбуждаетъ въ читателѣ глубокую

симпатію къ выдающемуся дѣятелю доблестной Черногоріи. Вообще предметъ обнять авторомъ широко и многосторонне. Не претендуя на самостоятельность и оригинальность труда, авторъ умѣло и въ широкихъ размѣрахъ воспользовался пособиями по данному вопросу, исчисленными въ его предисловіи. Авторъ имѣетъ похвальный обычай приводить буквальные выдержки изъ черногорскихъ лѣтописей объ историческихъ событіяхъ, а также указывать на отраженіе важнѣйшихъ событій въ пародпой поэзіи черногорцевъ. Изложеніе отличается ясностію, языкъ въ общемъ обработанъ и правиленъ. Замѣчено лишь нѣсколько орфографическихъ ошибокъ переписчика на стр. 103. 109. 126. 143. 299 и нѣк. друг. Извѣстное изданіе Миклошича „*Monumenta serbica*“ передано на стр. 230 въ подстр. примѣч. неправильно: „Мону-мента Сербица“. Для степени кандидата сочиненіе удовлетворительно.“

36. Экстраординарнаго профессора Героея Татарскаго о сочиненіи студента *Сперанскаго Якова*: „Религіозныя мистеріи среднихъ вѣковъ (ихъ происхожденіе, сущность и распространеніе въ важнѣйшихъ странахъ Европы)“:

„Сочиненіе студента Якова Сперанскаго представляетъ собою связное и весьма обстоятельное раскрытіе даннаго предмета.

Указавъ въ обширномъ введеніи на общій характеръ среднихъ вѣковъ и важное значеніе мистеріи для характеристики религіозно-нравственнаго настроенія тогдашняго общества, авторъ раздѣляетъ все свое изслѣдованіе на три обширныя главы: въ первой изъ нихъ онъ говоритъ о происхожденіи религіозной драмы въ средніе вѣка, во второй—о постепенномъ развитіи и разныхъ видоизмѣненіяхъ ея здѣсь, а въ третьей—о распространеніи ея въ различныхъ странахъ Европы.—Такая постановка дѣла вполне соответствуетъ, очевидно, самой сущности предмета и много содѣйствуетъ, безъ сомнѣнія, его дальнѣйшему правильному и всестороннему разсмотрѣнію.

Изслѣдуя вопросъ о происхожденіи средневѣковой религіозной драмы, авторъ доказываетъ, прежде всего, ея полную самостоятельность и совершенную независимость отъ преданій классическаго театра, благодаря въ особенности враждебному отношенію Церкви къ языческому театру въ первые

вѣка, а за тѣмъ выводить начало ея, съ одной стороны, изъ сознанной Церковію необходимости замѣнить языческія зрѣлица христіанскими въ видахъ религіознаго назиданія народа, а съ другой—изъ обрядовой стороны католическаго богослуженія и различныхъ церковныхъ обычаевъ, изобиловавшихъ эффектнымъ пластическимъ олицетвореніями.—Изслѣдованіе въ этой части сочиненія отличается столько же правильностью въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ, сколько и полнотою въ ихъ доказательствахъ, хотя по мѣстамъ и страдаетъ нѣкоторою растянutoстью въ изложеніи

Разсматривая за тѣмъ развитіе религіозной драмы въ средніе вѣка, авторъ различаетъ въ немъ три періода: а) литургическій, б) полулитургическій или переходный и в) періодъ высшаго разцвѣта средневѣковой мистеріи, когда сложился уже ея полный типъ и она стала достояніемъ не только Церкви, но и различныхъ ремесленныхъ цеховъ. Свое разсмотрѣніе авторъ заключаетъ общей характеристикой мистерій какъ по ихъ внутреннему устройству, такъ и съ точки зрѣнія художественной. Къ этому еще онъ присоединяетъ, въ концѣ главы, разсмотрѣніе правоучительныхъ средневѣковыхъ пьесъ (*moralités*) аллегорическаго характера и драмъ школьнаго происхожденія, обрисовывая, такимъ образомъ, полную картину средневѣковой религіозной драмы съ ея различными степенями и видоизмѣненіями. Эта важнѣйшая часть сочиненія заслуживаетъ автору наибольшей похвалы, какъ по основательности изученія имъ обширнаго матеріала, такъ и по надлежащей широтѣ его изложенія. Въ упрекъ автору можно поставить здѣсь развѣ только слишкомъ уже мелкое дробленіе предмета на отдѣльные параграфы (числомъ 8), безъ особой на то нужды; но, очевидно, что это относится лишь къ формальной его отдѣлкѣ.

Изображая, наконецъ, распространеніе средневѣковыхъ мистерій въ различныхъ странахъ Европы, авторъ справедливо отдаетъ первое мѣсто въ этомъ отношеніи Франціи, не только ранѣе прочихъ странъ развившей у себя полный типъ религіозной драмы, но и оказавшей громадное вліяніе здѣсь на другія страны: Италію, Испанію, Англію и Германію. Въ заключеніи сочиненія онъ дѣлаетъ основательное указаніе на важное значеніе средневѣковыхъ мистерій въ начальномъ образованіи свѣтской новоевропейской драмы.

Сочиненіе г. Сперанскаго очень обширно, свидѣтельствуеъ о подробномъ и основательномъ изученіи имъ своего предмета подъ руководствомъ лучшихъ, большею частію иностранныхъ пособій и, какъ обработанное тщательно отъ начала и до конца, должно быть признано вполне удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія“.

37. И. д. доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Стеблева Михаила*: „Взглядъ древнерусскихъ людей на протестантовъ“:

„Содержаніе сочиненія слѣдующее. Въ первой части авторъ описываетъ сношенія нашихъ предковъ съ иноземцами протестантами на практической почвѣ (гл. 1) и по брачному вопросу (гл. 2), во второй излагаетъ ихъ взглядъ на протестантовъ съ религіозной точки зрѣнія: съ догматической (гл. 1) и обрядовой (гл. 2).

Первая вводная часть сочиненія составлена при помощи пособій и въ общемъ удовлетворительна. Во второй главной части работы есть значительныя пробѣлы. Излагая взглядъ древнерусскихъ людей на протестантское вѣроученіе, авторъ прежде всего неясно намѣтилъ свой вопросъ. Онъ не далъ себѣ отчета въ томъ, къ какимъ реформаціоннымъ группамъ принадлежали тѣ „люторы“, съ которыми полемизировалъ тотъ или иной русскій богословъ,—а это могло-бы уяснить ему нѣкоторыя частности въ полемикѣ, имъ непонятныя. Онъ не обратилъ также вниманія на личности нашихъ полемистовъ, чѣмъ обусловливалась иногда исходная точка ихъ полемики. Въ особенную вину автору надо поставить то, что онъ не усвоилъ самъ для себя систему лютеранскаго вѣроученія даже въ общихъ чертахъ: неточно онъ разсуждаетъ о значеніи человѣческаго разума въ пониманіи Св. Писанія съ протестантской точки зрѣнія (стр. 156), а ученіе Лютера объ оправданіи вѣрою представляетъ совершенно наоборотъ (стр. 192) и въ тоже время жалуется на нашихъ полемистовъ, что они не выяснили этого пункта (250).

Изученіе матеріаловъ полемики могло быть основательнѣе. Признавая самъ произведенія русскихъ полемистовъ немногочисленными (143 стр), авторъ нѣкоторыми изъ нихъ совершенно не пользуется, другими же воспользовался недостаточно. Онъ поверхностно знакомъ съ посланіями иг. Артемія, которыя считаются „однимъ изъ краеугольныхъ памя-

тняковъ антипротестантской русской литературы“ (А. Н. Поповъ).

Слѣдствіемъ этихъ пробѣловъ были неясность и пропуски въ работѣ автора.

Есть недостатки и въ изложеніи. Излагая протестантскую догматику по русскимъ полемическимъ произведеніямъ, авторъ иногда много говоритъ о томъ, какъ православные богословы защищали свое вѣроученіе, забывая, что это не входитъ въ его задачу, что ему надо выдѣлать только вопросъ о томъ, какъ они смотрѣли на протестантовъ (см. 302—309; 242—44).

Послѣдняя глава составлена безъ такихъ пробѣловъ, но общій выводъ автора о враждебномъ и презрительномъ взглядѣ русскихъ людей кон. XVII в. на протестантовъ иноземцевъ страдаетъ крайностью или недосказанностью.

Стиль сочиненія не отличается точностью и легкостью. Цитатія не безукоризненна.

Не смотря на всѣ эти недочеты сочиненіе г. Стеблева надо признать удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія“.

38. И. д. доцента Николая Городенскаго о сочиненіи студента *Тарасова Ивана*: „Виды христіанскаго подвижничества“:

„Задачею автора было—на основаніи имѣющагося историческаго матеріала о различныхъ видахъ христіанскаго подвижничества уяснить ихъ психологическіе мотивы и историческій генезисъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Тарасовъ выполняетъ эту задачу довольно удовлетворительно; такова въ особенности его глава о столпничествѣ: онъ искусно разлагаетъ этотъ видъ подвижничества на его отдѣльные моменты и показываетъ происхожденіе каждаго изъ нихъ. Въ другихъ случаяхъ авторъ выполняетъ свою задачу только на половину: онъ говоритъ исключительно о психологическихъ мотивахъ подвига и мало или совсѣмъ ничего о внѣшнихъ условіяхъ его происхожденія; такова, на примѣръ, глава о юродствѣ во Христѣ. Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ совсѣмъ, повидимому, теряетъ изъ вида свою задачу и вмѣсто изслѣдованія причинъ и условій даетъ просто собраніе разнообразнаго, иногда, правда, интереснаго матеріала; сюда нужно отнести большую часть того, что авторъ говоритъ въ первыхъ главахъ сочиненія — о подвижнической

жизни въ обществѣ, о затворничествѣ и пустынножителствѣ.—Изученіе историческихъ сочиненій о подвижникахъ и аскетическихъ твореній дало г. Тарасову довольно обильный матеріалъ, но онъ не всегда пользуется имъ съ достаточнымъ искусствомъ: онъ излагаетъ этотъ матеріалъ въ томъ освѣщеніи, какое ему дано или древними авторами, или народнымъ преданіемъ, безъ всякихъ попытокъ дать этому матеріалу научно-критическую обработку, анализировать его и найти въ немъ что-нибудь большее, чѣмъ представляетъ его непосредственно данная, иногда, можетъ быть, обманчивая форма.—Съ историческими данными относительно греческаго философскаго аскетизма авторъ почти совсѣмъ не знакомъ; между тѣмъ это знакомство можетъ имѣть существенное значеніе при изученіи исторической обстановки, въ которой появлялись первоначально различныя формы аскетизма христіанскаго.

Безусловной похвалы по здравости и основательности сужденія заслуживаетъ заключительная глава сочиненія, въ которой авторъ даетъ нравственную оцѣнку древне-христіанскаго подвижничества.

Съ внѣшней стороны ощутительнымъ недостаткомъ сочиненія является шереховатость рѣчи.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе совершенно удовлетворительно“.

39. И. д. доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Туркевича Венедикта*: „Исторія утвержденія христіанства въ южнорусской степи“:

„Сочиненіе г. Туркевича состоитъ изъ предисловія и двухъ частей. Первая часть посвящена исторіи слѣдовъ христіанства у скифовъ, готовъ и другихъ древнихъ народовъ степи, у волжскихъ болгаръ, хазаръ, печенѣговъ, половцевъ, черныхъ клобуковъ и у русскихъ колоннетовъ степи до татарскаго нашествія. Вторая часть содержитъ конспективное обзореніе дальнѣйшей исторіи распространенія христіанства въ южнорусской степи въ связи съ колонизаціей степи изъ польско-литовскаго и московскаго государствъ.

Самъ авторъ не высокаго мнѣнія о своей работѣ. Въ предисловіи къ сочиненію онъ называетъ его „почти чистой компиляціей“: „работа по первоисточникамъ, заявляетъ онъ, была для насъ невозможна“. „Другой недостатокъ нашей

работы... продолжаетъ авторъ, это—снѣшность ея, особенно въ послѣдней части и конспективный характеръ. Во многихъ мѣстахъ мы сокращаемъ то, о чемъ можно и даже нужно было сказать подробнѣе, говоримъ безъ ссылокъ на источники тогда, когда могли бы сдѣлать ихъ.. часто пользуемся цитатами изъ вторыхъ рукъ, не провѣряя ихъ“... (стр. VIII—IX). Нельзя сказать, чтобы устами г. Туркевича говорила здѣсь авторская скромность: онъ нисколько не преувеличиваетъ недостатковъ своей работы. Напротивъ онъ ихъ убавляетъ. Откровенно исповѣдавъ свои сознательные грѣхи можетъ быть затѣмъ, чтобы этимъ самымъ вызвать въ единственномъ „читатель“ своего труда снисхожденіе къ слабымъ сторонамъ его и отвратить отъ себя слишкомъ строгій судъ (см. VI стр.), авторъ не могъ рассказать своихъ грѣховъ невѣдѣнія, которыхъ также немало. Въ первой обработанной части сочиненія встрѣчаются пропуски важнѣйшихъ свидѣтельствъ и явленій, мелкія ошибки, неосновательныя соображенія, отступленія, которыя не оправдываются ни планомъ, ни задачей сочиненія (напр. о христіанствѣ у воляжскихъ болгаръ). У автора есть манера останавливаться на вопросахъ второстепенныхъ, говорить по поводу извѣстій „очень мало дающихъ для сужденія“ (напр 72—78 стр.) и строить гипотезы вмѣсто того, чтобы отыскивать неизвѣстные ему еще факты. Послѣдній недостатокъ повидимому чувствовалъ и самъ авторъ и, заканчивая первую часть, онъ предается такому грустному раздумью: „Дѣло извѣстное, что логика и факты часто расходятся между собою, что жизнь очень часто разбиваетъ самыя логическія построенія мысли, самыя основательныя догадки и гипотезы. Тоже самое можетъ случиться съ нашими предположеніями и выводами“ (стр. 144), тѣмъ болѣе, прибавимъ мы отъ себя, что ихъ всегда можно отнести къ разряду основательныхъ. Вторая часть изложена конспективно почти безъ хронологическихъ и географическихъ датъ и ничто не ручается, что авторъ дѣйствительно изучилъ всѣ тѣ источники и пособія, о которыхъ знаетъ.

Но собственному мнѣнію автора три обстоятельства были причинами погрѣшностей его работы: 1) обширность предмета при недостаткѣ спеціальныхъ работъ по вопросу и при разбросанности источниковъ, 2) неподготовленность самого

автора къ историческимъ работамъ, а главное 3) недостатокъ времени. Можно соглашаться съ авторомъ только по второму пункту, въ остальномъ онъ преувеличиваетъ. Правда, вопросъ взятый имъ обширный, но по нему есть статьи, имѣются солидныя работы и собранія матеріаловъ по вопросамъ сосѣднимъ (по исторіи колонизаціи степи). Времени въ распоряженіи автора было немного—учебный годъ. Но въ этотъ срокъ можно сдѣлать и дѣлаютъ гораздо больше, пишутся работы въ два и въ три раза большія по объему (въ сочиненіи г. Туркевича XVIII+210 стр. большого формата средняго почерка),—обстоятельныя работы по вопросамъ не мѣнѣе обширнымъ и труднымъ.

Въ виду этихъ недостатковъ сочиненіе г. Туркевича можно оцѣнить только самымъ низкимъ кандидатскимъ балломъ“.

40. Экстраординарнаго профессора Сергѣя Глаголева о сочиненіи студента князя *Ухтомскаго Алексея*: „Космологическое доказательство бытія Божія“:

„Сочиненіе г. Ухтомскаго производитъ на читателя двойственное впечатлѣніе. Изъ сочиненія открывается, что г. Ухтомскій хорошо знакомъ съ началами физико-математическихъ наукъ, изъ данныхъ которыхъ исходитъ космологическое доказательство, и что онъ въ достаточной мѣрѣ ознакомился съ тою современною философіею естествознанія, которая можетъ служить благодарнымъ апологетическимъ матеріаломъ для православнаго богослова. Это—рѣдкое и отрадное явленіе въ нашей духовной школѣ и ему можно только радоваться. Но г. Ухтомскій не воспользовался должнымъ образомъ собраннымъ имъ матеріаломъ. Задача космологическаго доказательства прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы показать, что міръ нельзя мыслить самобытнымъ и что, слѣдовательно, нельзя принимать ни матеріалистическаго, ни пантеистическаго міровоззрѣнія. Эта непосредственная задача ускользнула отъ вниманія автора. Въмѣсто выполненія ея въ сочиненіи находятся разсужденія о религіозномъ опытѣ, о схоластическомъ и неразумномъ направленіи многихъ богословскихъ трудовъ въ прежнее время, о появленіи цѣльныхъ изслѣдованій въ послѣдніе годы. Все это не имѣетъ прямого отношенія къ задачѣ автора, и читатель оставляетъ сочиненіе съ чувствомъ разочарованія вслѣдствіе того, что

изъ цѣннаго апологетическаго матеріала авторъ не съумѣлъ сдѣлать надлежащаго употребленія.

Авторъ не далъ въ своемъ трудѣ полнаго и законченнаго космологическаго доказательства бытія Божія, но за всеѣмъ тѣмъ, должно признать, онъ много прошелъ по пути, ведущему къ этому доказательству. Онъ далъ цѣнный критическій разборъ ученій о природѣ. Этотъ разборъ, написанный на основаніи хорошихъ источниковъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла, содержитъ въ себѣ много цѣнныхъ данныхъ для борьбы съ антирелигіозными воззрѣніями на природу и для построенія философіи природы въ религіозномъ духѣ. Геометрическія познанія автора дали ему возможность рассмотреть вопросъ о пространствѣ на почвѣ геометріи, какъ этотъ вопросъ обыкновенно ставится математиками, но какъ доселѣ почти не ставился русскими философами. Физическія познанія автора помогли ему оцѣнить и правильно понять значеніе открытій Герца, смыслъ разсужденій Гирна и Оствальда.

Если бы авторъ пожелалъ напечатать свой трудъ, то прежде всего долженъ его тщательно обработать. Не говоря уже о стилистическихъ недостаткахъ сочиненія, нѣкоторыя части его и по содержанію должны быть значительно измѣнены и дополнены. Такъ, авторъ ясно высказываетъ, что онъ склоняется къ энергетическому воззрѣнію на природу, но вмѣстѣ съ этимъ онъ при разсужденіи о законѣ сохранения энергіи принимаетъ формулу механистовъ (стр. 190) и свое разсужденіе о невозможности *perpetuum mobile* всецѣло основываетъ на теоріи единства физическихъ силъ. Но авторъ долженъ или ввести посредствующее разсужденіе, изъ котораго бы открывалось, что старые выводы слѣдуютъ и изъ новыхъ ученій, или оставить эти старыя разсужденія и замѣнить ихъ новыми.

Въ богословской части труда автору слѣдовало бы выбрать себѣ руководителей понадежнѣе. Въ дѣлѣ выясненія взглядовъ богослововъ онъ повидимому готовъ довѣриться Шопенгауэру (стр. 9) и вмѣстѣ съ Дильманомъ рѣшительно утверждаетъ, что у евреевъ не было идеи космологическаго доказательства (стр. 195), но у Шопенгауэра содержится прямая клевета, а Дильманъ не правъ въ своемъ утверженіи (см., наприм., Исая XL, 21, 22, 26).

Степени кандидата богословія за свое сочиненіе авторъ заслуживаетъ“.

41. Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Шелютто Михаила*: „Превосходство откровеннаго ученія о твореніи міра сравнительно съ мнимо философскимъ ученіемъ о его самообразованіи и саморазвитіи“:

„Сочиненіе г. Шелютто написано съ достаточнымъ знаніемъ литературы вопроса и по хорошо-продуманному плану Критикъ частныхъ формъ эволюціонной теоріи (дарвинизмъ, теорія миграцій и др.) авторъ предпосылаетъ общій разборъ началъ трансформизма и такимъ образомъ удачно избѣгаетъ тѣхъ безконечныхъ повтореній, которыми обыкновенно страдаютъ разборы дарвинизма. Авторъ успѣшно отстаиваетъ, противъ трансформистовъ, библейское ученіе о твореніи *родовъ* органическихъ существъ. Но, сѣдую примѣру нѣкоторыхъ русскихъ богослововъ (проф. протоіер. Сергіевскаго, проф. Рождественскаго), не находитъ возможнымъ настаивать на твореніи всѣхъ *видовъ*. Точно такъ-же и по примѣру тѣхъ-же богослововъ онъ находитъ болѣе соответственнымъ задачамъ апологетики понимать дни творенія въ смыслѣ періодовъ. Впрочемъ, авторъ высказываетъ свое мнѣніе осторожно, съ ограниченіями и не заходитъ такъ далеко, какъ, наприм., проф. Рождественскій, которому авторъ сдѣлалъ справедливый упрекъ за излишнія уступки эволюционизму (стр. 45—6) Недостатокъ сочиненія г. Шелютто общій большинству студенческихъ работъ: это—обиліе подробностей, вредящихъ иногда ясности основныхъ положеній. Особенно этимъ недостаткомъ страдаетъ вторая глава, — непропорціо-нально удлинненная.—Трудился авторъ много. Литературными приѣмами владѣеть хорошо. Мышленіе обнаружилъ тонкое и проинципальное. Тонъ сочиненія пекренній: авторъ откровенно указалъ всѣ трудности, на которыя натолкнулся и которыхъ былъ не въ силахъ побѣдить. Въ общемъ, поэтому, сочиненіе производитъ весьма удовлетворительное впечатлѣніе и по всей справедливости можетъ быть отмѣчено *полнымъ балломъ*“

42. И. д. доцента Николая Городенскаго о сочиненіи студента *Шіянова Евгенія*: „Вѣра и любовь какъ основы жизни“:

„Сочиненіе г. Шіянова состоитъ изъ двухъ частей Первая говоритъ о вѣрѣ, вторая о любви. Въ первой части авторъ

старается показать, что вѣра есть необходимое условіе истинно-человѣческой жизни. Человѣкъ по природѣ своей существо двойственное: одной стороной ея онъ принадлежать эмпирическому міру, другой — міру сверхчувственному. Поэтому эмпирическая дѣйствительность не удовлетворяетъ человѣка и онъ стремится переступить ея границы. Но это возможно лишь при помощи вѣры, потому что міръ сверхчувственный недоступенъ опыту и знанію. Приущій человѣку идеализмъ, въ которомъ находитъ себѣ выраженіе стремленіе человѣческаго духа за предѣлы эмпирическаго міра, безъ вѣры въ реальность идеала терпитъ неизбежное крушеніе при столкновеніи съ дѣйствительностью. Одна только религіозная вѣра можетъ дать для идеализма надлежащую опору и сохранить, такимъ образомъ, для человѣческой жизни ея истинный смыслъ и высшую цѣль. — Во второй части авторъ показываетъ, что человѣческая личность можетъ жить полною и содержательною жизнью только подъ условіемъ любви. На недостаточность чисто-эгоистической жизни природа наша постоянно указываетъ непреодолимымъ характеромъ родовой любви. Но эта любовь не можетъ дать человѣку полного удовлетворенія. Последнее достигается лишь въ любви нравственной, которая, будучи чужда недостатковъ родовой любви—непостоянства, ограниченности и чувственности,—способна къ безконечному росту въ силѣ и объемѣ и слѣдовательно къ постоянному расширенію духовной жизни.

Мысли г. Шіянова не отличаются повизною, а приемы ихъ раскрытія далеко не стоятъ на высотѣ научныхъ требованій. Это особенно нужно сказать о первой части. Обоснованіе мысли у автора часто замѣняется простымъ ея утвержденіемъ и повтореніемъ, фактической анализъ—болѣе или менѣе случайной иллюстраціей изъ области психологіи и литературы: раскрытіе мыслей, иногда очень хорошихъ, сводится къ одиѣмъ общимъ фразамъ; авторъ болѣе склоненъ излагать свои мысли, чѣмъ доказывать. Но и изложеніе его не свободно отъ существенныхъ недостатковъ: здѣсь нужно отмѣтить—крайнюю растянутость и слишкомъ частыя повторенія, неумѣнье отбѣгать переходы отъ одной мысли къ другой и недостатокъ отчетливости, по мѣстамъ отсутствіе логической послѣдовательности и стройности.

Къ числу достоинствъ сочиненія г. Шяпова нужно отнести обнаруженное имъ пониманіе философскихъ и нравственныхъ вопросовъ, способность самостоятельно ихъ продумать, довольно обширную начитанность въ художественной литературѣ. Отрадное впечатлѣніе производитъ часто проявляющееся у автора стремленіе оставить избитые пути и приемы въ изслѣдованіи предмета и подойти къ вопросу съ новой стороны. Нѣкоторыя мѣста сочиненія отличаются оригинальностью и свѣжестью мысли, искренностью чувства и нравственнымъ одушевленіемъ. Рѣчь сочиненія, за немногими исключеніями, литературная, живая и по мѣстамъ изящная.

Степени кандидата авторъ заслуживаетъ“.

43. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Яржемскаго Георгія*. „Кругъ лицъ и дѣлъ, великокняжескими уставами и уставными грамотами отводившихся въ административно-судебное вѣдѣніе древнерусской іерархіи“:

„Не обширное по объему (стр. 1—244) сочиненіе студ. Г. Яржемскаго имѣетъ своимъ предметомъ весьма важный вопросъ въ исторіи нашего церковнаго права,—вопросъ о той необыкновенно широкой подсудности, которою пользовалась древнерусская іерархія не въ силу своего божественнаго права, а прямо въ силу государственнаго пожалованія, исходившаго на нее отъ великихъ князей и царей древней Руси. Въ силу такого пожалованія древнерусская іерархія имѣла въ своемъ вѣдѣніи и обширный кругъ лицъ, и обширный кругъ дѣлъ гражданскаго и уголовнаго свойства.

Ближайшею задачею автора служило ясное и точное опредѣленіе лицъ и дѣлъ, нечислѣмыхъ памятниками древнерусскаго права, какъ входившихъ въ исключительное вѣдомство церковносудебной власти. Для сего требовалось отъ него изученіе текста этихъ памятниковъ и освѣщеніе его историческими указаціями на *фактическое приложеніе* этой церковносудебной власти. Авторъ не ограничился этой задачей, но кромѣ ея взялъ на себя трудъ рѣшить вопросъ: какой историческій смыслъ имѣло то явленіе, что древнерусская іерархія въ древнѣйшія эпохи была надѣляема и поддерживаема великокняжескою властью въ примѣненіи своихъ обширныхъ административно-судебныхъ полномочій,

а затѣмъ въ эпохи позднѣйшія была постепенно ограничиваема въ нихъ, пока наконецъ реформами Петра Великаго и Екатерины II не освобождена была совершенно отъ этихъ полномочій. Встрѣтивъ въ историко-юридической литературѣ прекрасныя пособія, авторъ далъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ и такимъ образомъ въ небольшомъ своемъ сочиненіи представилъ очень стройную, интересную историко-юридическую монографію.

Сочиненіе его располагается на слѣдующія части: 1) предисловіе, въ которомъ авторъ перечисляетъ тѣ юридическіе памятники, которые опредѣляютъ область административно-судебнаго вѣдомства древнерусской іерархіи (стр. 1—11) и опредѣляетъ точно предметъ своего сочиненія; главы 1—4 (стр. 11—232) и заключеніе (стр. 232—244)

Первыя три главы сочиненія посвящены обзорѣнню *личной* церковной подсудности, глава 4—*предметной*.

Указавъ въ началѣ 1-й главы, что въ княжескихъ уставахъ можно различать 3 класса лицъ, отведенныхъ въ церковную подсудность, а именно: а) лицъ духовнаго сословія („церковные люди“); б) лицъ (и учрежденій) „богадѣленныхъ“ и в) насельниковъ церковныхъ земель;—авторъ и начинаетъ затѣмъ исторію подсудности этихъ классовъ, но—для большаго удобства—въ обратномъ порядкѣ, именно: въ первой главѣ обзорѣваетъ исторію подсудности насельниковъ церковныхъ земель (стр. 16—37); во второй главѣ—исторію подсудности богадѣленныхъ лицъ и учрежденій (стр. 38—83); въ гл. 3-й—исторію подсудности церковныхъ людей или лицъ монашескаго и духовнаго сословія (стр. 84—158); глава 4-я посвящена обзорѣнню предметной подсудности, или круга разнообразныхъ дѣлъ, великокняжескими уставами отведенныхъ вѣдомству церковныхъ судовъ (стр. 158—232). Въ заключеніи (стр. 232—244) авторъ ставитъ и рѣшаетъ вопросъ: „оправдывалось ли дѣйствительной нуждой предоставленіе духовенству того обширнаго объема подсудности, который представляетъ въ сочиненіи на основаніи великокняжескихъ уставовъ?“—„На этотъ вопросъ—говоритъ авторъ—можно дать отвѣтъ только утвердительный“ (стр. 233). Представляемая затѣмъ основанія въ пользу такого утвержденія нельзя не признать вполне достаточными.

Сочиненіе носитъ въ себѣ признаки ревностнаго отноше-

нія автора къ изученію избраннаго предмета; изложеніе послѣдовательное и стройное; языкъ ясный и правильный. Признаю его вполне удовлетворительнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

в) Представленный исправляющимъ должность инспектора Академіи іеромонахомъ о. Иннокентіемъ списокъ студентовъ IV курса съ обозначеніемъ балловъ по ихъ поведенію. Въ этомъ списокѣ поведеніе 42-хъ студентовъ обозначено балломъ 5, 5-ти балломъ 5—, 2-хъ балломъ 4[—] и 4-хъ балломъ 4.

Справка: 1) Устава духовныхъ академіи а) § 132: „По окончаніи испытаній на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію. При составленіи списка на IV курсѣ принимаются во вниманіе успѣхи студентовъ за все время академическаго образованія“. б) § 135: „При окончаніи полнаго академическаго курса студенты Академіи удостоиваются степени кандидата богословія и званія дѣйствительнаго студента“. в) § 136: „Студенты Академіи, оказавшіе за весь четырехлѣтній курсъ отличные успѣхи и представившіе сочиненіе, признанное Совѣтомъ удовлетворительнымъ для степени магистра, утверждаются въ степени кандидата, съ правомъ полученія степени магистра безъ новаго устнаго испытанія, но удостоиваются этой послѣдней степеніи не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ (коллоквиумъ)“. г) § 137: „Студенты, оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой степеніи. Но для полученія степени магистра они должны выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ не оказали успѣховъ, соотвѣствующихъ сеіи степеніи, и представить новое сочиненіе“. д) § 138: „Студенты, оказавшіе въ теченіе академическаго курса посредственные успѣхи и представившіе сочиненія на степень кандидата или представившіе сочиненіе неудовлетворительное для сеіи степеніи, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента“. е) § 139: „Если получившій степень кандидата за весь четырехлѣтній курсъ оказалъ отличные успѣхи въ наукахъ, но не удовлетворилъ требованія относительно сочиненія на степень магистра.

или если представилъ сочиненіе, заслуживающее сей степени, но не оказали успѣховъ соотвѣтствующихъ оной, то, при соисканіи такими лицами степени магистра, Совѣтъ не требуетъ отъ перваго изъ нихъ новаго устнаго испытанія, а отъ послѣдняго новаго сочиненія“. ж) § 140: „Примѣнительно къ сему Совѣтъ поступаетъ и при соисканіи дѣйствительными студентами степени кандидата“. 2) По § 81 лит. б п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высочайшимъ Преосвященствомъ объ утвержденіи студентовъ IV курса: I) Каптерева Бориса, Введенскаго Дмитрія, Бачалдица Ивана, Заозерскаго Александра, 5) Горчукова Мирона, Смирнова Ивана, Постникова Александра, Овсіевскаго Владиміра, Казакова Павла, 10) Шелютто Михаила, Кедринскаго Михаила, Смирнова Сергѣя, Сперанскаго Якова, князя Ухтомскаго Алексѣя, 15) Луговскаго Александра, Добросердова Іоанна, святи. Шіянова Евгенія, Малахова Василія и Дмитревскаго Ивана—въ степени кандидата богословія съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени магистра безъ новаго устнаго испытанія: II) Серебрянскаго Николая, Кедрова Василія, Доброленскаго Павла, Модестова Александра, Нарбекова Ксенофонта, 25) Соколовскаго Николая, Сахарова Ивана, Дерякина Николая, Рождественскаго Василія, Пискарева Александра, 30) Смирнова Сергѣя 5-го, Солодовникова Вячеслава, Блаженцева Семена, Стеблева Михаила, Сахарова Петра, 35) Тарасова Ивана, Лобанова Павла, Туркевича Венедикта, Каптерева Михаила, Измайлова Владиміра, 40) Яркемскаго Георгія, Нарбекова Николая и Спасовича Янко (послѣдняго въ виду требованій, изложенныхъ въ опредѣленіи Святейшаго Синода отъ ^{11 Марта} 9 А Фвѣля 1869 года о студентахъ—иностратцахъ)—въ степени кандидата богословія съ правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, означенныхъ въ § 137 академическаго устава; III) Булгакова Дмитрія, Воскресенскаго Анатолія, 45) Калюцкаго Валеріана, Крылова Сергѣя, Лапина Евгенія, Лебедева Дмитрія, Преображенскаго Ивана, 50) Протопонова Василія, Свѣтлова Анатолія, Славскаго Александра и 53) Багрецова Леоніда—въ званіи дѣйстви-

тельнаго студента съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени кандидата богословія: Булгакову, Воскресенскому, Калюцкому, Крылову, Лапину, Лебедеву, Преображенскому, Протопопову, Свѣтлову, Славскому—по представленіи сочиненій, заслуживающихъ сей степени, а Багрецову — по удовлетворительномъ выдержаніи новыхъ устныхъ испытаній по тѣмъ предметамъ, по которымъ познанія его отмѣчены балломъ ниже 4 (именно: по Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завета, введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, догматическому богословію, нравственному богословію, патристикѣ, общей церковной исторіи, пастырскому богословію, церковному праву, метафизикѣ, исторіи философіи, психологіи, исторіи и обличенію русскаго раскола, теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ, русскому и церковно-славянскому языкамъ (съ палеографіей) и исторіи русскої литературы, и представленіи новаго семестроваго сочиненія по церковному праву.

V Предложеніе о Ректора Академіи *Архимандрита Арсенія*: „Долгомъ считаю предложить Совѣту Академіи избрать кого-либо изъ нынѣ окончившихъ академическій курсъ студентовъ для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ въ Академіи“

Справка: 1) § 54 устава духовныхъ академій: „Для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ Академіи, Совѣту предоставляется оставлять при оной на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, кончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. *Примѣчаніе.* Лица сіи получаютъ содержаніе изъ особо назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свыше 700 рублей на каждаго“. 2) По § 81 лит. б п 5 того же устава „оставленіе при Академіи окончившихъ курсъ студентовъ, для приготовленія къ занятію преподавательскихъ кафедръ въ оной, и назначеніе имъ содержанія“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Оставить для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ въ Академіи окончившихъ нынѣ академическій курсъ воспитанниковъ Бориса *Киптерева* и Дмитрія *Введенскаго*, съ производствомъ имъ, съ 16 августа текущаго года, содержанія по 700 рублей каждому, за вычетомъ 2⁰/₁₀₀ на пен-

сип. 2) Мнѣніе сіе представитъ на Архипастырское утвержде-
ніе Его Высокопреосвященства.

VI. а) Заявленія стипендіатовъ и своекоштныхъ студентовъ,
нынѣ окончившихъ курсъ въ Академіи: *Булгакова* Дмитрія,
Бѣлавенцева Семена, *Горчукова* Мирона, *Дмитревскаго* Ивана,
Кантерева Михаила, *Лобанова* Павла, *Модестова* Александра,
Нарбекова Ксенофонта, *Нарбекова* Николая, *Овсіевскаго* Влади-
міра, *Протопопова* Василія, *Рождественскаго* Василія, *Сажа-
рова* Ивана, *Слодовникова* Вячеслава, *Стеблева* Михаила, *Та-
расова* Ивана, князя *Ухтомскаго* Алексѣя, *Шелютто* Михаила и
Яржемскаго Георгія о желаніи ихъ служить по духовно-учеб-
ному вѣдомству

б) Прошеніе нынѣ окончившаго курсъ въ Академіи Ана-
толія *Святлова*: „Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ
^{25 Ноября} 188⁶/₇ года за № 2563 Совѣтамъ Академіи предписано
^{7 Января, я}
окончившихъ курсъ академическихъ воспитанниковъ, не по-
лучившихъ назначенія на мѣсто по духовно-учебному вѣдом-
ству, обращаться въ епархіи по мѣсту, ихъ происхожденія, съ
отсылкою документовъ въ подлежащій консисторіи. Согласно
этому предписанію я долженъ быть обращенъ по мѣсту родо-
происхожденія въ Каменецъ-Подольскую епархію и мои до-
кументы должны быть отосланы въ Подольскую духовную
консисторію. Но я имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ
Академіи обратить меня въ вѣдѣніе Новгородскаго Епархіаль-
наго Начальства и мои документы отослать въ Новгородскую
духовную консисторію. Это мое желаніе обусловливается тѣмъ,
что я получилъ образованіе въ Новгородской семинаріи, —
что въ Новгородской епархіи живутъ мои родственники, — и
тѣмъ, что уже съ 1882—1883 года я не состою въ вѣдѣніи
Подольскаго Епархіальнаго Начальства“.

Справка: Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ ^{9 Марта} 1892 г за № 590 предписано Совѣтамъ Академіи, чтобы они
^{11 Апрель}
не позже 15 іюля доставляли въ Святѣйшій Синодъ свѣдѣ-
нія объ окончившихъ курсъ студентахъ, имѣющихъ священ-
ный санъ, а въ Учебный Комитетъ сообщали списки всѣхъ
прочихъ студентовъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и тѣхъ изъ
своекоштныхъ, которые изъявляютъ желаніе служить по ду-
ховно-учебному вѣдомству съ обозначеніемъ въ томъ и дру-
гомъ случаѣ: а) мѣста ихъ происхожденія; б) отбѣтокъ объ
ихъ успѣхахъ и поведеніи; в) требуемыхъ опредѣленіями

Святѣйшаго Синода отъ $\frac{25}{27}$ апрѣля 1884 г. и $\frac{7 \text{ Января}}{17 \text{ Февраля}}$ 1888 года свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ на какую учительскую каѳедру или должность въ семинаріяхъ и училищахъ признается болѣе способнымъ, а относительно тѣхъ, которые не имѣютъ полнаго балла по поведенію, свѣдѣній, на основаніи инспекторскихъ записей, о качествахъ совершенныхъ ими во время пребыванія въ Академіи проступковъ, и чтобы по сообщеніи Святѣйшему Синоду и Учебному Комитету вышеупомянутыхъ свѣдѣній, обращали всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые по окончаніи академическаго курса заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, въ епархіи, по принадлежности, съ выдачею имъ на проѣздъ билетовъ, а казеннокоштнымъ и прогонныхъ денегъ и съ отсылкою документовъ таковыхъ студентовъ въ подлежащія духовныя консисторіи.

Опредѣлили: 1) По утвержденіи окончившихъ курсъ въ текущемъ году студентовъ Академіи въ степени кандидата богословія и званіи дѣйствительнаго студента доставить въ Святѣйшій Синодъ свѣдѣнія объ имѣющихъ священныи санъ, а въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ сообщить списки всѣхъ прочихъ студентовъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявили желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству съ обозначеніемъ въ томъ и другомъ случаѣ—а) мѣста ихъ происхожденія; б) отмѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи и в) требуемыхъ опредѣленіями Святѣйшаго Синода отъ $\frac{25}{27}$ апрѣля 1884 г. и $\frac{27 \text{ Января}}{17 \text{ Февраля}}$ 1888 года свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ на какую учительскую каѳедру или должность въ семинаріяхъ и училищахъ признается болѣе способнымъ, а относительно тѣхъ, которые не имѣютъ полнаго балла по поведенію, свѣдѣній, на основаніи инспекторскихъ записей, о качествахъ совершенныхъ ими во время пребыванія въ Академіи проступковъ 2) Всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, уволить въ епархіальное вѣдомство съ выдачею имъ на проѣздъ билетовъ, а казеннокоштнымъ и прогонныхъ денегъ, и препроводить документы ихъ въ подлежащія духовныя консисторіи. 3) Окончившаго курсъ Анатоля Свѣтлова, согласно его прошенію,

уволить въ Новгородскую епархію, куда и препроводить все его документы.

VI. Разсуждали о назначеніи на 1898—99 учебный годъ стипендій студентамъ Академіи.

Справка: 1) Въ настоящее время, за окончаніемъ полного академическаго курса и выбытіемъ изъ Академіи студентовъ бывшаго IV курса, остаются свободными слѣдующія стипендіи: десять стипендій Троице-Сергіевой Лавры, по 220 рублей каждая, стипендіи имени: Высокопреосвященнѣйшаго Іоаннікія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго,— въ 217 рублей, Протоіерея А. В. Горскаго — въ 220 рублей, Протоіерея А. М. Иванцова-Платонова—въ 220 рублей, діакона С. Ѳ. Каптерева—въ 213 рублей, стипендія Московской каѳедры—въ 110 рублей, три полныхъ годовыхъ пособія (по 220 руб.) изъ процентовъ съ капитала П. А. Мухановой.— Кромѣ того, свободны казенныя стипендіи: пять на III курсѣ,—за лишеніемъ, по опредѣленію Правленія Академіи отъ 19 марта с. г., казеннаго содержанія студентовъ Николая Нарскаго, Николая Приклонскаго, Григорія Зерцалова, Петра Артамонова и Ивана Ѳедорова,—и двѣ на II курсѣ—за увольненіемъ изъ Академіи по прошеніямъ студентовъ Петра Соколова и графа Георгія Дорреръ, а также стипендія Московскаго духовенства и каѳедры въ память 25-лѣтія царствованія Государя Императора Александра II—въ 181 руб.— за увольненіемъ изъ Академіи на годъ студента Александра Покровскаго, и стипендія имени П. С. Аксакова (для студентовъ изъ южныхъ славянъ); 2) Утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ „Правилъ относительно распредѣленія казенныхъ и частныхъ стипендій студентами Академіи“ а) п. I: „По составленіи, въ концѣ учебнаго года, переводныхъ списковъ студентовъ Академіи, но въ томъ же за сѣданіи, Совѣтъ обсуждаетъ каждый разъ особо вопросъ о распредѣленіи на предстоящій учебный годъ стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ“; б) п. II: „При распредѣленіи стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ Совѣтъ руководствуется, въ качествѣ основнаго, тѣмъ же правиломъ, которымъ опредѣляется назначеніе стипендій на первомъ курсѣ, а именно: все наличныя казенныя и тѣ изъ частныхъ стипендій, назначеніе и опредѣленіе срока пользованія которыми зависитъ всецѣло отъ Совѣта Академіи, назначающаго соот-

вѣтствующему числу студентовъ въ порядкѣ разряднаго списка, начиная съ перваго“; в) п. III: „Исключенія изъ этого правила допускаются Совѣтомъ Академіи лишь по тщательномъ изслѣдованіи причинъ пониженія студентовъ въ разрядномъ спискѣ, при чемъ въ случаѣ рѣзкаго пониженія, происшедшаго отъ невнимательнаго отношенія къ исполненію учебныхъ обязанностей, студентъ можетъ быть лишень стипендіи на годъ, хотя бы по занимаемому имъ мѣсту въ спискѣ онъ и сохранилъ право на пользованіе ею, и, наоборотъ, стипендія можетъ быть сохранена за студентомъ, лишившимся ея вслѣдствіе незначительнаго пониженія въ спискѣ, происшедшаго не отъ лѣности или разсѣянности“; г) п. IV: „Студентъ, потерявшій мѣсто вслѣдствіе продолжительной болѣзни, сохраняетъ за собою стипендію, которою пользовался“.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ Академіи за минувшій учебный годъ, лишить казенныхъ стипендій на будущій 1898/9 учебный годъ слѣдующихъ студентовъ: Поліевкта *Якубовскаго*, Павла *Масина* (4 к.), Александра *Соболева*, Ивана *Рудакова* (3 к.), Веліамна *Олесницкаго*, Аркадія *Алфеева*, Василя *Порковского* и Іустина *Грота* (2 к) — и передать означенныя стипендіи студентамъ: 4 курса — Никанору *Крестіанполю* (пользовавшемуся стипендіей Ломоносовскаго Комитета въ 202 р.) и Леониду *Орлову* (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 рублей); 3 курса—Владиміру *Бѣляеву* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 рублей) и Михаилу *Дилееву* (пользовавшемуся стипендіей прот. Ѳ. А. Голубинскаго и П. С. Делицына въ 173 р); 2 курса—Владиміру *Бактову* (пользовавшемуся стипендіей Г. П. Хлудова въ 86 руб.), Ивану *Троицкому*, Ивану *Отрѣзову* (пользовавшемуся стипендіей Г. П. Хлудова въ 86 руб.) и Матѳею *Аванасьеву*. 2) Свободныя казенныя стипендіи на 3 курса назначить студентамъ: Александру *Левицкому*, Петру *Протопопову* (пользовавшемуся стипендіей прот. І. В. Рождественскаго въ 194 р.), Павлу *Бутмо* (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 р.), Александру *Другову* (пользовавшемуся стипендіей прот. А. П. Невосгруева въ 142 р.) и Михаилу *Ивановскому* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 р); на 2 курса: Анатолю *Виноградову*

(пользовавшемуся стипендіей Г. П. Хлудова въ 86 р.) и Гавриилу *Златову*. 3) Десять стипендій Троице-Сергіевой Лавры назначить студентамъ: 1 курса — Александру *Петровскому* (пользовавшемуся стипендіей Высокопресв. Архіеп. Алексія въ 204 р.), Николаю *Волнину* (пользовавшемуся академической стипендіей въ 210 р.), Василию *Виноградову* (пользовавшемуся стипендіей имени В. М. Ундольскаго въ 200 р.), Евграфу *Ринку* (пользовавшемуся стипендіей имени Ю. Ѳ. Самарина въ 173 р.), Ивану *Некрасову* (пользовавшемуся академической стипендіей въ 210 р.) и Алексѣю *Смирнову* (пользовавшемуся стипендіей прот. І. В. Рождественскаго въ 194 р.); 2 курса — Николаю *Величкину* (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 р.); 3 курса — Дмитрію *Чистилинку* (пользовавшемуся стипендіей Преосвященнаго Епископа Никодима въ 192 р.), Андрею *Запольскому* и Константину *Габараеву*. Стипендію имени прот. А. В. Горскаго въ 220 р. — студенту 2 курса Василию *Овчинникову*; стипендію имени прот. А. М. Иванцова-Платонова въ 220 руб. — студенту 2 курса Сергѣю *Покровскому* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 р.); стипендію въ память 25-лѣтія царствованія Государя Императора Александра II въ 181 р. — студенту 2 курса Николаю *Постылову*; годовыя пособія изъ $\frac{1}{10}$ съ капитала П. А. Мухановой въ 220 р. — студентамъ: 3 курса Дмитрію *Шувалову* и 2 курса Григорію *Якимову* (пользовавшемуся стипендіей Г. П. Хлудова въ 86 р.) и Николаю *Моисееву* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 руб.). 4) Стипендію Ломоносовскаго Комитета (послѣ Н. Крестіанноля) передать студенту 4 к. Полиевкту *Якубовскому*; стипендію М. А. Хлудова (послѣ Л. Орлова) — студенту 2 к. Валеріану *Безу*; стипендію имени протоіереевъ Ѳ. А. Голубицкаго и П. С. Делицына (послѣ М. Лилеева) — студенту 2 курса Ивану *Соловьеву*; стипендію протоіерея І. В. Рождественскаго (послѣ П. Протопопова) — студенту 2 к. Аркадію *Алфееву*; — стипендію М. А. Хлудова (послѣ П. Бутомо) — студенту 3 курса Александру *Соболеву*; стипендію протоіерея А. П. Невоструева (послѣ А. Другова) — студенту 2 курса Виктору *Романову*; стипендію Высокопресвященнаго Архіепископа Алексія (послѣ А. Петропавловскаго) — студенту 2 курса Вещамину *Оленицкому*; академическую стипендію (послѣ Н. Волнѣна) — студенту 2 к. Нико-